

границы саморазвития на пике самопознания.
Прозрение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТИХОНОВ

Антон Тихонов
Грани саморазвития на
пике познания. Прозрение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38279043

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-1617-7

Аннотация

Книга о способности человека менять мир вокруг себя, о вечной борьбе добра и зла, и о том, что будущее не определено, что все мы уникальны, только нужно быть собой и идти вперед, несмотря ни на что!.. Главный герой встречает своего двойника, а тот, в свою очередь, запускает удивительную цепочку событий, в итоге повлиявшую на жизнь и судьбу главного героя. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

1

«Хочу Хаммер. Хочу Хаммер, и эта мысль делает меня счастливым. Сегодня, выходя из дома, подумал об этом, и на лицо вылезла улыбка. Не улыбка, а именно улыбка. Улыбка человека, у которого уже есть этот автомобиль, но не человека, который может о нём только мечтать. Хочу! Могу! Достоин! И не только этого. Хочу, чтоб все завидовали мне из-за того, что у меня такая мечта. Друг сказал мне на днях, что эта машина не для меня и что это очень дорогой в обслуживании автомобиль. А мне плевать. Это же моя машина, раз я о ней мечтаю. И если подумать и допустить, что у меня в принципе нашлись деньги на такую тачку, то и деньги на всё остальное уж, наверное, тоже найдутся.

Мечта... Странно, наверное, но меня не покидает ощущение простого человеческого счастья. Счастья владения мечтой.

Люди, мечтайте. Мечтайте и делайте всё, чтобы мечты сбывались. Делайте это, иначе жизнь потеряет смысл.

Путь к мечте не прост. Бывает, идёшь-идёшь, годами думая, что правильно, а оказывается, это была вовсе не твоя дорога и ты несколько лет на “одиннадцатом трамвае” занимал чей-то маршрут.

Необходимо каждому научиться вовремя понять правильность выбранного направления. Если долго-долго ничего не

происходит и ожидаемый результат ближе не становится, бросайте всё и бегите в новом направлении.

Да, это сложно, очень сложно, но это единственный способ, добраться до своей мечты. В противном случае жизнь будет серой, скучной и бессмысленной. А со временем тяжёлый осадок, скопившийся на дне души, может не только стать причиной депрессивного состояния, но и язвенной болезни желудка и мочекаменной болезни...

Я сам такой. Попав в обстоятельства жизни, в которых нахожусь сейчас, я долгое время занимался тем, что изыскивал оправдания тому, что ничего не меняю. Каждый день убеждал себя в том, что разберусь с трудностями и начну жить. Но это уже само по себе тупик. Беда в том, что понимать это я начал только после тридцати пяти. А заставить себя двигаться, да ещё и в другом направлении, очень сложно. Оглянитесь назад, и, возможно, мой пример странным образом наложится и на вашу жизнь. Добро пожаловать в клуб.

Хочу Хаммер!..

Вот что действительно важно! Мечта. Она может быть какой угодно. У каждого она своя. Но это именно та кнопка, которая должна включить ваше воображение, собрать ваши силы в большой снаряд и выстрелить им в будущее, в ваше будущее, будущее, которое не определённо, но в большой степени зависит от главного героя – от вас.

У меня эта кнопка... не знаю точно... не уверен... но пусть это и в самом деле будет этот большой, сильный, бру-

тальный, но добрый, в хороших руках, конечно, автомобиль!

Мечтайте и будете вознаграждены. Нет! Мечтайте и идите к своей мечте, карабкайтесь к ней, вколачивая ледоруб надежды в ледяную гладь разочарований, неудач и скепсиса. Мечтайте до состояния невозможности осознания желаний, возникших в голове, до психа, истерии, до непреодолимой потребности закричать или вывихнуть себе локти (мои ощущения), а потом вставайте и идите, бегите, плывите, летите... или что там ещё вы умеете делать, но чешите всеми способами своей мечте навстречу.

Так сильно вы должны хотеть владеть своей мечтой. И только тогда ваш разум переключит ваше мироощущение и мировосприятие в нужное состояние. Вы станете по-другому понимать себя в этом мире. И это приблизит награду.

И так должно случиться с каждым.

Аминь...

Да, чувак, тебе только проповеди читать. Хорошо ещё, что всё то, что крутится у тебя в голове, ты не произносишь вслух. Представляю: сижу я на заднем сиденье автобуса, а в проходе стоят на коленях все его пассажиры и – “О, учитель!” Если, конечно, среди них не окажется психотерапевт или, ещё веселее, полицейский. Хотя, на мой взгляд, людям, служащим в полиции, зачастую не хватает мечтательности и креатива. С другой стороны, какой креатив может быть в ежедневном разгребании вот такими лопатами всей той грязи, которую производит наше общество в своих попытках

жить лучше, все вместе или каждый по отдельности.

Ладно, пора открывать глаза. Автобус остановился, отдышался и, пыхтя, перевалился через пару бугров. Значит, железнодорожный переезд. Значит, скоро конечная.

«В последний раз взглянул пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат, на ненавистный ему город», – так, кажется, у Булгакова. Почему эти слова каждый раз всплывают в моей голове, когда я возвращаюсь с работы? Я знаю, почему, только не могу это сформулировать односложно. Потому как, в конце концов, получится огромный трактат из обид, лжи, ненависти и душевной пустоты. Единственное, что как свет в оконце, как маленький островок любви, нежности и надежды в этом забытом Богом месте, – это мой дом, моя семья.

Пока, мой Хаммер. До встречи, милый друг!» – с этими словами круговорот мыслей, часто захватывающий сознание молодого человека по имени Егор, унесло внезапно ворвавшимся в открывшиеся двери автобуса, пронизывающим до костей холодным осенним ветром.

«Так... Выхожу из автобуса. Глаза в асфальт. Сворачиваю налево, иду мимо магазинов, мимо припаркованных возле них машин. Прошу, Вселенная, пусть только никто не заметит меня, никто не окликнет и не заговорит со мной. Не хочу ни с кем обсуждать мои дела и ещё больше не хочу встретить какого-нибудь дурака, коих много на просторах этого города, – думал про себя Егор, быстрыми шагами удаляясь

от автостанции. – Кстати, примерно 90 % людей, интересующихся вашими проблемами, на самом деле даже не заморачиваются на их счет и, возможно, даже не слушают вас, а оставшиеся 10 %, скорей всего, вдобавок и рады тому, что эти проблемы у вас есть... Суровая правда жизни. Жить в иллюзорном мире, быть может, интересно, но рано или поздно наступает время пробуждения, и вот тогда приходит печаль».

Осень. Льёт дождь. «Престарелые» берёзы, шумят своими голыми ветками и тянутся вслед за ветром, будто желая улететь вместе с ним, устав стоять на одном месте вот уже почти век. Мокрый тротуар. Лужи как огромные зеркала. Ни птиц, ни звёзд. Только свинец осеннего неба и жёлтые фонари.

«Ещё чуть-чуть, и я на самой тихой улице, ведущей меня к дому. Кто-то стоит возле банкомата. Не меняю шаг, иду себе, – подняв ворот пальто и отвернувшись от порыва ветра, продолжал успокаивать себя молодой человек. – Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... занимайтесь своими делами, меня нет».

Егор, умышленно уходя в тень, всегда старался миновать места, освещённые фонарями особо ярко.

«Дайте мне спокойно добраться до дома. Там тепло, светло, и там мои дети, и вечно недовольная супруга, – смахнув с кончика носа повисшую дождевую каплю, молодой человек прибавил ходу. – Но дети всё же перевешивают чашу моих весов. Дети – моя жизнь».

В его голову почти всегда лезли всякие мысли: проблемы, проблемы, проблемы. Он прекрасно знал себя и знал, что, пока не ляжет спать, проблемы не дадут ему покоя. Это мука. Мука жить так, как живёт он последние два года. Какой-нибудь ушлый психоаналитик на случае этого парня уже давно бы сделал карьеру и вдобавок ещё и книгу написал «О том, как нельзя...», и что для этого можно...».

Егор – самый «обычный необычный» человек. Почему «обычный необычный»? Ну тут всё просто. Более неприспособленного для жизни человека нужно ещё поискать. Дело в том, что, когда все идут налево, он уверенной поступью идет направо, в моменты, когда его знакомые и незнакомые зарабатывают деньги, он находит тысячу и один способ прогореть. Если он что-то задумал, будьте уверены, дело гиблое. К гадалке не ходи. Глядя на него, невольно создавалось впечатление, будто он существует где-то впереди, что ли. Или, наоборот, плетётся на пару десятков лет сзади? В общем, пока он заучивает слово «гоп», все остальные уже перепрыгнули. Патология!? «Синдром принятия неверного решения»!? У Егора, похоже, им поражены все внутренние органы.

«Скоро, скоро мой уютный домик, – бубнил он себе под нос, он всегда что-то тихо бормотал про себя или напевал что-нибудь вслух под стать моменту. – Прохожу по узкому прогону между улиц, сворачиваю направо. Холодно. Когда я уже куплю себе зонт? Вот и дом. Большие решётчатые окна согревают своим добрым светом. Горят все семь. Дом дышит

жизнью и теплом. Я иду к тебе, моя обитель, моя крепость».

Когда идти оставалось ещё около тридцати метров, Егор обратил внимание на чей-то силуэт, видневшийся наполовину из-за трёх высоких можжевельников, прижившихся на альпийской горке возле крыльца. Чуть замедлив шаг, через пару метров он и вовсе остановился. Но спустя секунду всё же продолжил идти, опустив голову, прокручивая в уме все варианты того, кто бы это мог быть. Силуэт незнакомца кого-то сильно напомнил ему, да так сильно, что ноги Егора напрочь отказывались идти дальше и, кажется, даже сделали попытку пойти в обратном направлении. Незнакомец, увидев его, оживился и, перестав разглядывать свои ботинки, уставился на него в упор.

Холод и страх заставили передёрнуться все тело Егора. Глаза расширились. Язык онемел. Мысли? Все мысли покинули его многострадальную уставшую голову. То, что он увидел в следующий момент, перечеркнуло всё увиденное и пережитое им за всю жизнь.

Подойдя вплотную к крыльцу, он поднял глаза на гостя и остолбенел. Перед ним стоял не кто иной, как он сам. Он! В той же одежде, с той же причёской, с теми же грустными от природы глазами, всегда выдававшими его усталость, поникшими верхними веками. Те же манеры, мимика, жесты, вся сущность. Легкая ехидная улыбка и всё остальное, что там ещё к нему прилагалось. Он!

Это был он...

Егор почувствовал, как бешено вдруг застучало его сердце, дыхание перекрылось, а всё тело перестало слушаться. Голова его подалась назад, рот приоткрылся. Признаться, любопытство и удивление не овладели им в эту минуту, им управляли два с огромным трудом преодолимые желания: или «втащить» своему двойнику кулаком в челюсть, а потом уже решать, что делать со всем этим дальше, либо сбежать отсюда метров на двести вниз по улице и там, стоя за деревом, набираться смелости и осмысливать происходящее. Других мыслей в голову не приходило, а общее оцепенение не позволяло привести ни один из планов в действие.

Двое зачарованных моментом мужчин.

Они стояли в оцепенении друг напротив друга. Холодный осенний дождь проблёскивал в свете фонарей, скатываясь по их лицам. Ветер развивал полы одежды и окутывал всё вокруг в леденящий ужас ситуации. Пронизывающий дождь холодными стрелами вонзался в землю, в камни и крыши домов, протыкал насквозь лапы голубых елей в городском парке.

«Молчестояние» на крыльце небольшого дома на окраине города сопровождалось вспышками фар от проезжающих мимо автомобилей, шорохом шин по мокрому асфальту и шипением луж под ними. Где-то на соседней улице были слышны лай собак и крики пьяных людей, что-то выясняющих между собой. Всё как всегда. Всё, как и завтра.

Егор от неожиданности и необъяснимости увиденного

вдруг облокотился на стену дома и, опустив изумлённые глаза, начал нервно искать сигареты, постукивая ладонями по карманам пальто. На его лице сквозь усталость и отрешённость медленно и неумолимо проступала нотка удивления, страха и необъяснимого ужаса. Увиденное в эту минуту явно очень сильно потрясло молодого человека, в связи с чем он потерял дар речи, способность соображать и некоторые двигательные функции. Да и что он должен был говорить в этот момент, о чём? Может быть, что-то из разряда «Приветствую тебя, пришелец, на нашей планете... не убивай меня... и не высасывай мой мозг». Что говорят в таких случаях? Не каждый день мы становимся свидетелями чуда или чего-то из ряда вон выходящего, не вмещающегося в рамки типичного сознания. Егор попросту не знал, как должен был реагировать.

«Чёрт... Где же сигареты?» – буркнул он себе под нос.

Незнакомец при этом выглядел более уверенно, и на его лице просматривалась лёгкая улыбка. Впрочем, через секунду и она сменилась выражением восторга и неожиданности. Но мимика его лица и свободное положение рук всё же говорили о его готовности к этой встрече.

На крыльце то загорался, то снова гас управляемый датчиком движения фонарь. Длинные тени от его лампы расползались по саду, оставляя вокруг замысловатые очертания и образы.

Парочка продолжала смотреть друг на друга, не сходя со

своих мест. Двойник Егора слегка приподнял кисть правой руки, но тут же опустил её, чем разрядил ситуацию и вывел его из ступора.

– Как... как это может быть? – выдавил из себя Егор, подойдя на один шаг ближе и робко коснувшись пальцами плеча стоявшего напротив человека, сопровождая взглядом движение своей руки.

– Говорят, это не сложнее, чем сходить в магазин за хлебом, – продолжая пристально разглядывать собеседника, ответила его копия.

Его спокойствию не было границ. В то время как Егору вовсе было не по себе, да и мысль о побеге, кстати, он прятал, видимо, не далеко. Вдруг всё-таки пригодится.

– Этого не может быть... не может, – проведя по своим мокрым волосам рукой, прошептал он.

Дождь не утихал. Будто кто-то проковырял в небе огромную дыру, и оно из благодарности низвергало потоки сильнейшего на планете растворителя на головы её обитателей.

Дождь усиливался. Подхватываемый пронизывающими порывами, он больно стегал мостовую, голые деревья пустых аллей и двух людей, окружённых темнотой, время от времени разрываемой вспышками света. Пауза затягивалась. Молодые люди продолжали стоять друг против друга, не предпринимая никаких новых действий.

Если бы кто-то увидел это со стороны, то он непременно бы заметил, что перед ним два абсолютно одинаковых чело-

века – мужчины лет сорока. Спортивное телосложение обоих выдаёт чёрные приталенные пальто, синие джинсы и ботинки со шнурками, шнурок правого ботинка, кстати сказать, у обоих почему-то был развязан и потому плавал, как грязный мокрый червяк, в лужице. Коротко, по-мальчишески постриженные светло-русые волосы с частыми вкраплениями седины, немного худощавые лица с грустными выцветшими глазами. На плечах у обоих висели сумки от ноутбука. Словом, два сапога пара, или яблоко от яблони, или... нет... что там ещё говорят в таких случаях? Словно в зеркальном отражении друг для друга, они просто стояли и молчали.

Надо сказать, что даже самые однояйцовые близнецы из всех однояйцовых близнецов не бывают так похожи, как эти двое. Их отличал только рисунок дождя на лицах, хотя и капли, скатываясь по ним, находили одни и те же ложбинки и трещинки. Абсолютная идентичность назло матушке природе.

Кто знает, что творилось в обоих головах и душах в тот момент, в момент, когда над ними нависло это необъяснимое, неизведанное, паранормальное наконец. Как вообще человеческое сознание может себя повести при встрече с непостижимыми вещами, такими, например, как край Вселенной, или что там после смерти?

«Сумасшествие! Дурдом! Вот тебе, пожалуйста, и дешёвые антидепрессанты», – произнёс вдруг Егор, осматриваясь блуждающим взглядом вокруг себя и не веря, что всё это

происходит с ним. Происходит здесь и сейчас. Он, конечно, понимал, что, возможно, его движения со стороны выглядели очень комично, что в свою очередь заметно веселило его собеседника, остававшегося невозмутимым и непринуждённым в своих эмоциях. Но Егору-то становилось всё больше не до смеха.

– Может, пройдем в дом? – уверенно произнёс гость, показывая большим пальцем правой руки через плечо, в сторону входной двери, правой рукой поправляя воротник, как бы показывая, что на улице не май и далеко не бабье лето.

– Нет, там моя семья, – испугавшись прорвавших тишину задумчивости слов, чуть ли не закричал Егор.

– Их нет дома, – уверенно произнёс «пришелец».

– То есть как нет? – встревоженно спросил Егор, подойдя к окну, через которое был виден свет в небольшой прихожей, и заглянул в него. Сквозь слегка запотевшие стекла было видно, что в помещении никого нет, да и в остальных окнах дома не было даже намёка на присутствие жильцов. Особняк был пуст, как скорлупа только что выпитого сырого яйца...

– Я отвёз их к родителям.

– А-а-а!? – протяжно и вопросительно начал было хозяин особняка, но был перебит самим собой, стоявшим напротив.

– На машине, – предугадав вопрос, весело отвечал он, кивнув в сторону стоявшей во дворе развалюхи. Старенький Volkswagen мирно покоился возле забора, будто бы сжав-

шийся от холода и свернувшийся калачом старый дворовый пес.

– Так она же...

– Работает! – дружелюбно ответил близнец, вытянув вперёд ладони, как бы показывая: «вот, мол, они, золотые ручки».

– А-а-а?

– Может, уже пройдем в дом? Холодно.

– Да, да, пошли, – окончательно потеряв цепочку событий и остатки уверенности, тихо произнёс Егор ему в ответ. Чувствовал он себя, конечно, в этот момент тем ещё героем. Направляясь по ступеням к тяжёлой, ручной работы сосновой двери с причудливым резным узором по её периметру, Егор то и дело оглядывался назад, растерянным взглядом приглашая необычного гостя следовать за собой.

Миновав просторную прихожую и не сняв обуви и верхней одежды, они прошли в среднюю по размерам комнату, одновременно служившую и кухней, и гостиной. Потом, включив свет и пройдя вглубь комнаты, уселись на стулья напротив друг друга и, молча уставившись глаза в глаза, просидели так ещё около минуты. Ни один, ни другой по-прежнему не могли отвести друг от друга глаз. Смешно, но их пытливые взгляды пристально изучали лица напротив с целью найти хоть что-нибудь новое и незнакомое с детства, но всё было тщетно. Одно лицо.

– Что у тебя в сумке? – спустя некоторое время спросил

«пришеллец».

– Ничего, – ответил Егор, слегка смущённый и растерянный. – Ничего такого, так, всё подряд, всякий хлам. Вот ещё, я буду перед тобой выкладывать содержимое своих карманов. Это касается только меня, что у меня в сумке. Это понятно?

Не понятно, почему, но странность этого момента покинула Егора, и он, забыв о том, что ввело его пять минут назад в ступор, начал разговаривать с сидящим напротив как со своим товарищем, соседом или просто знакомым.

– А хочешь, я скажу, что у тебя в ней? – не отставал гость.

Егор посмотрел на него вопросительно и, сняв сумку с плеча, положил её на колени. Ему, честно говоря, незачем сейчас были ничьи откровения. Ведь и без того, можно сказать, крыша на «Гагаринском старте» пришвартована и ждет команды «Поехали!».

– У тебя там: ежедневник, в котором ты рисуешь всякую ерунду, вместо того чтобы записывать действительно важные вещи; пачка неоплаченных счетов; две авторучки, одна из которых давно не пишет, но её жалко выкинуть, потому что это подарок дочери, – начал его двойник, откинувшись на спинку стула.

– Но как!?! – выдавил из себя Егор. – Что вообще происходит? Когда ты успел залезть в мою сумку?

– Подожди, подожди, – отрезал незнакомец. – Я ещё не закончил. Кроме того, в твоей сумке, в её маленьком отделе-

нии с молнией, лежат таблетки от повышенного давления и антибиотики, а также договор займа на крупную сумму, которую ты никак не можешь вернуть. И самое главное...

– Не надо, – остановил его Егор, схватив за руку.

– Надо! – утвердительно произнёс двойник. – Надо! Так вот, самое главное из того, что ты носишь в своей сумке, – это твой неоконченный роман, который ты пишешь тайком от всех, и то, что ты приобрёл сегодня в аптеке. Приобрёл без рецепта врача.

Они снова уставились друг на друга. Гость при этом откинулся на спинку стула. Тишина опустилась на их плечи. Только стучащийся в окна ветер нарушал повисшую паузу.

– Кто ты такой? – обречённо произнёс Егор, вставая со стула и направляясь к газовой плите.

– Я – это ты, – улыбаясь ответил гость, тоже поднявшийся со своего места, наливая себе стакан воды из графина, стоявшего на камине.

– Ты – это я!?

– Да. Я – это ты, но только не из этого мира, и мы с тобой не дети одних родителей, разлучённые в раннем младенчестве, – с сарказмом отметил гость, делая глоток и вытирая уголки губ большим и указательным пальцами.

– Ты ангел? – уставился на собеседника Егор.

– Нет, я – это ты! Я живу параллельно тебе, на этой же улице, в этом же доме, но как бы в другой временной плоскости. Не могу объяснить тебе этого, сам мало что понимаю

о том, как вообще это может быть.

– У тебя есть дети? – перебил Егор, зажигая газовую плиту и ставя на неё чайник, посекундно оборачиваясь на своего оппонента, по-прежнему не доверяя незваному гостю. Руки его не слушались.

– Конечно, у тебя же есть дети, – с ухмылкой ответил собеседник.

– А как их зовут? – вытирая испарину со лба и стараясь выглядеть уверенным, продолжал заинтригованный Егор свой допрос.

– Перестань!

– А сколько им лет? – не успокаивался он.

– Остановись...

– А где ты работаешь?

– Стоп! – оборвал череду вопросов гость. – Я не работаю, я занимаюсь моим любимым делом, которое, кстати, и твоё любимое дело, а кроме того, я много путешествую, и, в общем, я счастлив. Каждый человек сам отвечает за то, что с ним происходит. Как бы ни было велико желание найти виновного, но только сам. Конечно, легче всего найти оправдание своим неудачам во влиянии внешних сил, но правда остается правдой – мы сами создаём свою жизнь, свою судьбу, своё окружение и, как следствие, свою кончину. Беда большинства людей в том, что мы не можем приучить себя жить одним днём, одним, не забывая про завтра и не тревожа себя мыслями о прошлом.

Я живу здесь и сейчас. Как говорится, делай то, что должен, и будь, что будет. Я очень долго шёл к этому. Долгих тридцать девять лет. И до сих пор, если я не напоминаю себе об этом ежеминутно, если я не окунаю сам себя в холодную прорубь головой, во мне снова начинает жить тот самый человек, который когда-то довёл меня до состояния, когда не хочется жить, когда не существует цели, когда всё, что держит в этом мире, – это мои дети.

Я полюбил жизнь. Чего нельзя сказать о тебе. Ты. Ты погряз в своих собственных делах. Хватаешься за всё подряд и ничего не успеваешь, бежишь от себя, и у тебя совсем не осталось друзей. Жалея себя, ты убиваешь последнее, что осталось в тебе, – свободу и способность всё изменить. Самоуничтожение – не самый лёгкий способ жить. Но ты в этом преуспел, дружище. Преуспел настолько, что зашёл сегодня в аптеку и наплёл знакомому фармацевту, что у тебя бессонница и ты последнее время вовсе не спишь, что смертельно устал и всё такое... Разжалобил её. Это ты умеешь. И что теперь? Молчишь!? – выдержав театральную паузу, он повторил, – Молчишь!? Пойми наконец: всегда есть выбор и всегда есть выход, даже если кажется, что мир рухнул, а впереди тебя ждёт не голубое небо в алмазах, а такого же размера волосатая задница. Всегда можно начать с нуля. Достань свой телефон.

– Что? – растерянно спросил Егор, не понимая, причём тут вообще мобильник.

– Покажи мне твой телефон, он у тебя в левом кармане брюк...

Егор привстал со стула и уставился на собеседника.

– Твоих брюк, дружище, твоих. Давай его сюда, – продолжал гость.

Достав телефон, Егор покорно протянул его своему двойнику.

– Нет, – остановив его жестом, произнёс «незнакомец». – Нажми на любую кнопку.

– Зачем?

– Жми! Не бойся, – с усмешкой сказал он. – Жми!

– Я сделаю это, только скажи, могу я узнать твоё имя?

– Джек. Меня зовут Джек, – второпях и на полном серьёзе произнес «пришелец».

– Джек? – удивлённо переспросил Егор, чувствуя себя конченным идиотом.

– Да, Джек, Джек – Покоритель великанов, – рассмеявшись, громко произнёс незнакомец. – Конечно, меня зовут так же, как и тебя. Своё-то имя ты ещё помнишь?

– Да... да... конечно, – по-прежнему пребывая в растерянности, произнес Егор. «Дурак», включившийся в нём полчаса назад, никак не хотел выключаться и этим только усложнял общение. Хотя чего было ему ждать от самого себя, сидящего напротив, кроме подколов и остроумия на грани. Беспокойство и нервозность тем не менее постепенно уходили прочь и во многом благодаря спокойному стилю об-

щения гостя. Он-то явно не был удивлён этой встречей, в отличие от оппонента, который до сих пор не мог поверить в то, что всё это происходит с ним.

– И я Егор! Друзья зовут меня Гоша. Будем знакомы! Жми кнопку, Егор!

– А может?..

– Жми! Кому говорят!

Егор с тревогой сжал телефон в ладони и нажал на первую попавшуюся кнопку, ожидая увидеть или услышать все что угодно, но только не то, что произошло дальше.

Комната вмиг превратилась в тёмную пустоту, будто космос заполнил всё вокруг своим холодным безмолвием. Оба Егора повисли в невесомости и парили в этой пустоте вокруг одиноко зависшей лампочки, испускающей мягкий синеватый свет. Удивительно, но проводов питания она не имела, да и ориентирована была при этом цоколем вниз.

– Что это? Что происходит? – неприкрыто паникуя, вскрикнул Егор, смешно замахав при этом руками и ногами, балансируя и боясь упасть в пропасть, образовавшуюся под ним.

– Не знаю. Долго объяснять, но к тебе я попал точно так же. Это безопасно. Приготовься, это ещё не все, – успокоил его Гоша, свободно паря напротив, скрестив руки на груди.

Вдруг пространство вокруг начало меняться с сумасшедшей скоростью, предлагая множество реалистичных картин из прошлого Егора, из выпусков новостей, из телевизионных

хроник и просто абсолютно непонятных фрагментов, красочных и чёрно-белых, которые в свою очередь сменяли совершенно потрясающие виды Вселенной, во всём её великолепии, мощи и беспощадной жестокости ко всему тому, что происходит внутри неё самой.

Вокруг то появлялись, то исчезали обрывки из прошедших лет: школа, институт, первый поцелуй, вечеринки, работа, друзья, сёстры, родители, семейные празднества, рождение детей, похороны близких.

Сила восторга от увиденного прогнала всякий страх перед необъяснимыми вещами, происходящими в этот момент. На глазах обоих молодцов навернулись слёзы. Слёзы странников, нашедших свою пристань спустя годы, слёзы первооткрывателей, которым никто не верил, а они доказали свою правоту, заплатив за это огромную цену – целую жизнь, слёзы людей, увидевших чудо...

– Как это остановить? – не выдержав эмоционального напряжения, закричал Егор. – Останови это!

Гоша огляделся по сторонам, будто искал место для посадки, потом поднял правую руку над головой и, медленно сжав между собой большой и безымянный пальцы, громко щёлкнул ими. В тот же миг мужчины оказались в гостинной и, провисев пару секунд в воздухе, с грохотом свалились на паркет пола.

– К этому нельзя привыкнуть, – проворчал Гоша, поднимаясь с пола и потирая правое плечо, ушибленное при паде-

нии.

Егор после приземления не стал подниматься, а, наоборот, выпрямился на гладком полу. Эмоции овладели им, и он предпочёл остаться лежать молча, закрыв ладонями глаза. Виски его пульсировали, и он чувствовал, как интенсивно работало в тот момент его сердце. Он ощущал это каждым сантиметром своего тела. Стало жарко. Голова его будто напухла, в переносице стучала кровь.

– Что это было? Что? Слышишь ты меня или нет? Что это было? – произнес Егор сквозь ладони, закрывавшие лицо, одновременно привставая. Он не верил всему тому, что происходило с ним, пребывая в необъяснимом по конфигурации восторге или даже в состоянии определённого счастья, поняв, что стал частью необыкновенной истории, частью чего-то такого, что все остальные жители Земли видят только в фантастических фильмах или в футуристических фантазиях жанровых писателей.

– Я и сам не знаю, но моя реакция в мой первый раз была точно такой же, – спокойно произнёс Гоша. – Давай вставай. Нужно поговорить...

2

Егор давно уже не следил за течением времени, и, сколько было на часах, мало кого интересовало. Всматриваясь в лицо своего двойника, наблюдая за тем, как он жестикулирует руками, как изменяется рисунок морщин на его лице в зависимости от интонации, он обратил внимание на то, как сильно с годами некоторые мужчины становятся похожи на своих отцов. Молчание ночи доносилось из-за занавешенных окон. Разговор продолжался.

– То есть мне это сейчас не приснилось, не привиделось, и мы оба существуем здесь и сейчас, в эту самую минуту? – размышляя, с сарказмом произнёс Егор.

– Да, – спокойно ответил Гоша, наливая себе в стакан ещё воды из графина. – Успокойся уже. Видишь, все целы.

– А как же нарушение пространственно-временного континуума? – спросил Егор, придуриваясь, но в то же время с неприкрытым волнением.

– О, наш любимый фильм. Уже приучил к нему сына? – смеясь и издеваясь, торжественно произнёс ночной гость. – Спокойно, Марти, я не из будущего, я живу параллельно. А что касается теории относительности и искажения времени и пространства, так я, как и ты, мало что в этом понимаю. Я писатель, а не астрофизик-ядерщик, да и теория относительности Эйнштейна для меня всего лишь теория относитель-

ности. Я простой писатель, правда, достаточно успешный и читаемый, ну, по крайней мере, в своём измерении.

– Хорошо. Тогда зачем ты здесь? – коротко выдал Егор с нетерпением и тревогой. Признаться, страшновато представить, чем могут быть увенчаны события, произошедшие с ним с того момента, как он подошёл к своему дому. По его лицу было понятно, что ему не терпелось узнать, зачем здесь Гоша, и одновременно его пугала неизвестность того, что предстояло узнать. Он ждал ответа на свой вопрос.

«Или ну его, этот ответ, может, пусть Гоша как пришёл, так и уйдёт? Повидались вроде, и всё хорошо... Привет семье, и всё такое», – промелькнуло у него в голове. В какой-то момент он даже поймал себя на мысли, что не хочет знать о цели появления Гоши в его жизни. Но было поздно. Гоша сделал глубокий вдох, и это означало, что момент истины настал. Точнее, пришёл, открыв перед собой двери ударом ноги, обутой в кирзовый сапог. Егор ждал ответа.

Странно, но почему-то Егору тут же вспомнилась одна из любимых фраз его бабушки по материнской линии, которая звучала примерно так: «А на хрена мне все это нужно?»

– Я хочу помочь тебе, точнее, меня попросили помочь тебе, но, ты знаешь, сейчас я и сам уже очень этого хочу, – начал Гоша, усаживаясь поудобнее на, прямо скажем, не самом удобном стуле. Стулья вообще не самая удобная категория мебели, какими бы замысловатыми они ни были в исполнении. Диван – вот вершина эволюции.

– А с чего кто-то вдруг решил, что мне вообще нужна помощь? Кто тебе об этом сообщил? Ты же жил, как и я, и не подозревая о том, что существуют параллельные миры, там... другие измерения, всякие порталы и врата? И почему именно тебя прислали ко мне, тебя – вредного и занудливого?

– Ко мне пришёл человек. Он предложил мне эксперимент, – ответил Гоша. – А почему именно я, а не кто-то другой? Да потому что я знаю тебя как облупленного. Ты для меня предсказуем, Егор. Это понятно?

– Эксперимент? – оживился Егор, по-прежнему сомневаясь, что все ещё хочет знать правду.

– Да. Предложил мне сделать нечто неординарное, и я согласился. Правда, подписал кучу бумаг о неразглашении и всё такое, – смеясь, отговорился «близняшка».

– Значит, ты согласился и прилетел спасать меня от самого себя, не зная о том, что мне вообще нужна помощь. Взял пульт от микроволновки и-и-и... та-дам, и ты здесь, о, миссия, – скептически продолжил Егор, осмелев и увеличив напор на собеседника. Теперь ему нужна только правда, и в любом объеме и содержании. Природное любопытство взяло верх над подсознанием и рациональностью.

– Нет! Я вообще не знал, куда попаду и что это будет за миссия. Меня «портанули», а о том, что это будешь ты, и о том, что тебе нужна помощь, я узнал лишь через пару дней, наблюдая за тобой и... Ты постоянно мелькал перед глазами,

и, в общем, я просто-напросто сам догнал, по кой черт меня сюда задвинули.

– А что это был за человек? Тот человек, который пришёл к тебе с этим заданием? – тихо спросил Егор. Ему не терпелось услышать развязку, но он умышленно медлил с вопросами, дабы не показать паники и сумбура, до сих пор царящих в его голове. Или уже не в голове? Трудно ему было тогда, одним словом, перегруз.

– Потом, всё потом, – оборвал Гоша. – Скажи мне, Егор, ты позволишь помочь тебе? Поверь, я смогу это сделать.

– В чём? Или чем? Мне уже вряд ли можно помочь. Гоша, я погряз в долгах, проблемах и неприятностях, косяк – на косяке и косяком погоняет, как ты, вероятно, заметил. Да. Многие мои знакомые теперь даже избегают общения со мной. Часть из них боится, а вдруг я попрошу у них помощи, другие презирают меня за моё теперешнее положение и слабость, третьи, как стая сорок над раздавленным на дороге зайцем, готовы разорвать и заклевать меня только за то, что я мыслю не так, как они, живу не так, как они, и поступаю иначе. Я очень одинок, дружище. Но, ты знаешь, я к этому уже почти привык и рассматриваю своё внутреннее одиночество как купол надо мной, не защищающий, но отгораживающий от меня весь внешний мир. И я чертовски устал биться с мельницами, Фердинанд мой давно издох, а копыя преломились, – на выдохе закончил Егор. После всего сказанного ему не стало легче.

– Это не так, то есть не совсем так. Существует много людей, которые рады бы тебе помочь, но они не могут сделать этого по ряду объективных причин и, понимая, что тебе до их слов поддержки как до лампочки, остаются в стороне, молча сопереживая тебе. Кроме того, ты же никому и ничего не рассказываешь, Егор. Ты же и сам такой! Ты же не лезешь со своим состраданием, если не в силах помочь? Ведь так? – пытаюсь переубедить «пациента», произнёс Гоша. – Вспомни, сколько раз ты просил кого-нибудь помочь тебе за последнее время? Ни разу. Ты полностью разуверился в себе, в людях и в том, что всё в твоих руках. Ты пойми, то, что было в прошлом, нельзя изменить, и поэтому оно не должно тяготить тебя, забудь о нём. Что ждёт нас впереди, мы не знаем, и переживать из-за того, чего может и не произойти, смысла нет. Но сегодня, в эту самую минуту, здесь и сейчас, ты можешь сделать всё, для того чтобы твоё будущее стало похожим на твои мечты. Кто-то сказал однажды, что, если ты упал без сил и думаешь, что не можешь больше идти, подумай о том, что ты всегда, как бы там ни было, можешь сделать ещё один шаг. И вот в этом и заключается сила – сделать ещё шаг, когда чертовски устал и имеешь полное право остановиться. Беда в том, что это оправдание собственной слабости и бездействию убедительно прозвучит только для тебя, весь остальной мир, на секунду остановившись, рванёт дальше, оставив тебе возможность жалеть себя и убеждать окружающих в том, что ты дрался как зверь, но силы были не

равны. Ты не одинок! – продолжал он, захлёбываясь вдыхаемым воздухом, пытаюсь достучаться до Егора, не теряя надежды. – Хочешь, я докажу тебе это прямо сейчас? Решайся, Егор! Ну же! – широко раскрыв глаза, с улыбкой настаивал гость. – Что ты теряешь? Не бойся, я буду рядом, и мы всё сможем. Вместе...

Минутная пауза.

За окном было слышно, как усиливался холодный октябрьский дождь. Ветер гулял по улице, то затихая, то порывами с силой ударяя в окна, заставлял судорожно вздрагивать красочные чердачные витражи.

Осень.

Медленно опустив руку в карман брюк, Егор достал из него телефон и, держа его перед собой, уверенно произнёс: «Погнали!» – нажав на одну из кнопок и крепко закрыв при этом глаза.

Через мгновение, слегка приоткрыв левый глаз, он обнаружил, что по-прежнему стоит в центре гостиной, а напротив сидит его собеседник, прикрывая лицо ладонью, за которой сияла наглая и довольная улыбка.

Разведя руки в стороны и уставившись на него, Егор возмущённо произнёс:

– И что? Я нажал не ту кнопку? Что ты ржёшь? – обиженно и понимая, что момент пронзительного порыва ушёл.

– Нет. Просто это срабатывает только один раз, каждый следующий раз кнопка нужна другая, – весело выдал Гоша,

привстав со стула и слегка наклонившись вперед.

– Как другая?

– Да хоть вот так, – улыбнувшись, он ухватился за пуговицу пальто Егора и, дёрнув за неё с силой и, надо сказать, с неприкрытым удовольствием и азартом, оторвал её.

В тот же миг всё провалилось в темноту, точно так, как и в первый раз. Одинокая лампочка, испуская нежное свечение, слегка разбавляла ощущение полного одиночества и беспричинного страха.

В ожидании Егор нетерпеливо крутил во все стороны головой, но ничего не происходило. Кромешная пустошь, и больше ничего... Ничего того, что было в первый раз. Сердце стучало так, что, казалось, его было слышно всем на расстоянии тысяч километров, и это исходя из того, что вокруг не было ничего, да и слушателей было не много. Один. Да и тот, как всегда с ухмылкой, пялился на него, по-видимому, ожидая увидеть очередную комедию в его исполнении. Но Егор его разочаровал, и дальше мотания головой и прислушивания к пустоте дело не пошло.

– Терпение, дружище, терпение, – тихо прошептал Гоша. – Они уже рядом...

– Кто уже рядом? – с неподкупным интересом обратился к нему Егор и попытался оглянуться назад, потому что, по последним наблюдениям, спереди ничего, кроме висящих в воздухе Гоши и лампочки, не происходило. Или происходило, но он ни черта не заметил. Как ни фокусировались хру-

сталики его глаз на темноте, всё было тщетно.

– Они, – издевательски загадочно ответил гость.

– Да где? – терял терпение Егор.

– Смотри!

– Куда смотреть-то?

С последними словами перед ними открылись чудесные виды океанического прибрежья, песчаной косы и скал, утопающих в лучах закатного солнца. Прибрежный песок играл с набегаящими волнами и катился вслед за ними, то вверх по пляжному склону, то вниз, увлекаемый разрушительной силой океана. Океан кипел желто-алой рябью, разбавленной тёмными силуэтами разбросанных по нему яхт и судов. Тёплый ласковый ветер наполнял вселенную прибрежного пространства. Отчаянная красота.

Чуть – и вдали проявились две фигуры в белых одеждах – взрослого и ребёнка. Мужчина и девочка шли, взявшись за руки, оставляя на самой кромке воды следы босых ног, которые тут же слизывали языки пены, восстанавливая нарушенную человеческими пятками гармонию природы.

Это были Егор и его дочка Даша.

– Папа, папа, почему ты не хочешь остаться со мной, почему ты уезжаешь? – спросила Даша, прислонив руку отца к своей щеке. На безысходных больших глазах пятилетнего ребенка заблестели слёзы. Она поцеловала ладонь отца и прижалась к ней ещё сильнее. Мужчина при этом сжал сильно веки и прошёл так несколько шагов.

– Я хочу, я очень хочу всегда быть рядом с тобой, милая, но я не могу сейчас остаться. Я очень тебя люблю, – мягко, почти шёпотом проговорил он, не давая слезам перекрыть ему воздух, и, подняв девочку на руки, прижал её к груди. Одинокая слеза, не удержавшись, всё-таки выступила в уголке его глаза и, предательски задрожав, скатилась до середины щеки.

Девочка положила голову ему на плечо и тихо заплакала. Маленькие ручки малышки крепко обнимали его шею. Так они шли ещё долго, пока совсем не исчезли из вида, став частью миражного зеркала, скользящего над опустевшим пляжем. Солнце садилось, придавая прибрежной растительности пурпурный оттенок, унося с собой за край света жару и зной дня и оставляя после себя освежающий ночной бриз.

– Доченька моя, – вырвалось из уст Егора, когда он глядел со стороны на всё это. Подбородок его слегка напрягся, губы при этом сжались. «Зачем он мучает меня? Зачем жилы тянет? Грёбанный садист!» – подумал он.

– Разве ты одинок? – спросил в ответку Гоша. – Разве ты никому не нужен? Ты должен уяснить для себя, что невозможно быть нужным для всех, нельзя ждать от всех вокруг любви и преданности. Большинство людей заняты сами собой и не замечают или не хотят замечать, что происходит рядом. И то, что ты готов дарить всем подряд свою дружбу и помощь, совершенно не означает, что тебе будут отвечать тем же. Научись ловить прекрасные моменты жизни и видеть

то, что действительно важно для тебя. Неужели мнение какого-то прохожего, который и знать-то тебя толком не знает, для тебя важней любви и преданности твоих детей, для которых ты самый крутой чувак на Земле? И это на тебя будет похож жених твоей дочери, когда она вырастет. Ей пять лет сейчас, и она расстраивается из-за того, что дочки не могут выходить замуж за своих пап. Разве ты одинок? – окончил он свои слова. – Или вот ещё, – кинул вдогонку Гоша, и после двух щелчков пальцами подряд они вдруг очутились в спальне дома Егора.

Ночь прорывалась бликами света уличных фонарей сквозь римские шторы, ощупывала своими длинными пальцами постель и пол возле неё. Светящийся сумрак, райская тишина.

– Пап, я – к тебе, – разорвав ночное безмолвие, сквозь сон проговорила Даша, вылезая из-под своего одеяла и быстрыми движениями, на четвереньках переползая из своей постели на стоявшую вплотную кровать родителей.

Двигалась она ловко и уверенно, словно кошка, и будто не было ни темноты, ни полудрёмы, ни страха перед ночными тенями или кошмарами.

Отец, как всегда, плохо спал, поэтому по привычке откинул угол одеяла и сильной рукой загрёб малышку в свои объятия. Признаться, он каждую ночь ждал этого момента, момента своего отцовского счастья.

Егор смотрел на всё это, едва сдерживая слезы, но что он

мог сделать. Для чего все это устраивает его двойник?

«Решил показать мне то, что я и без него прекрасно знаю и осознаю? Бред», – про себя пыхтел он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.